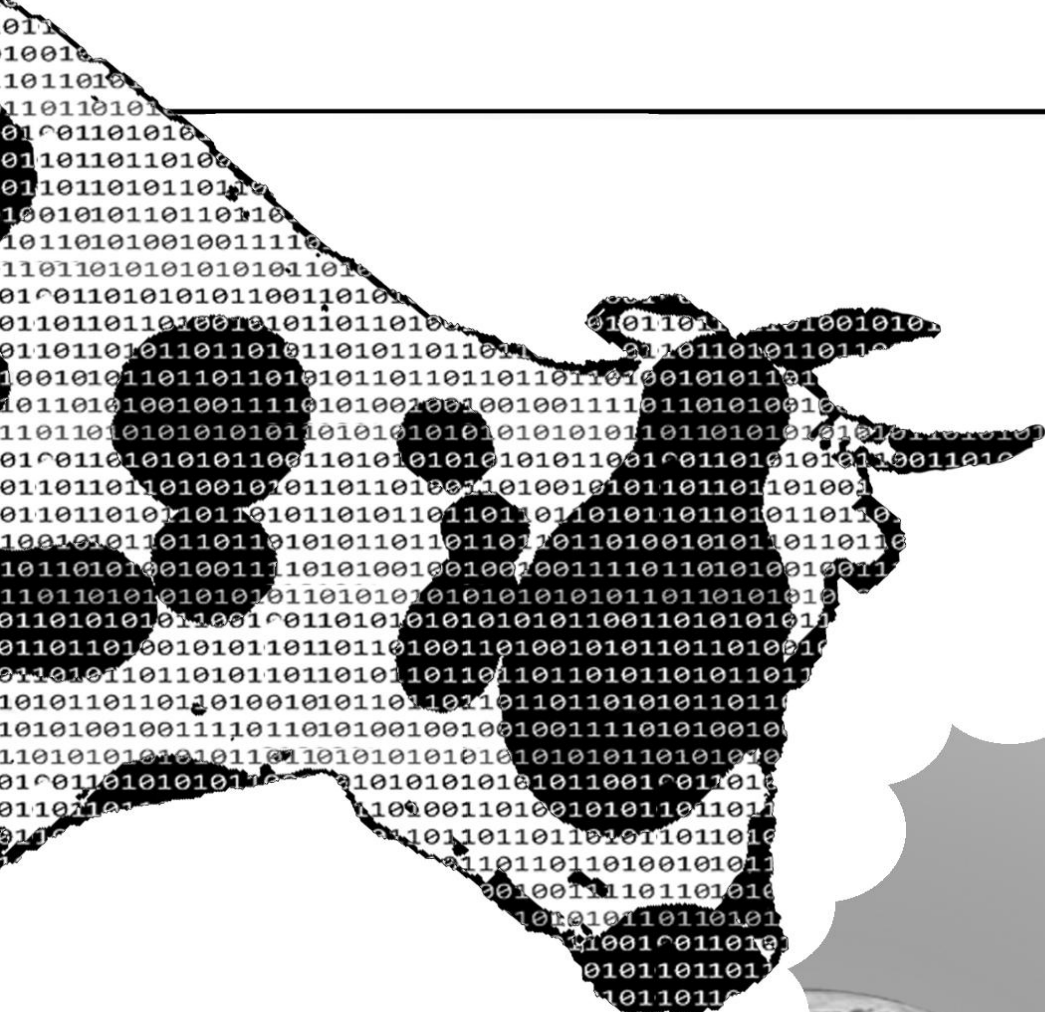

КОРОВНИК

Семен Грила

Коровник

Лев Карлович смотрел на коров. Он любил коров, он знал, что они дают молоко, и это его всегда восхищало. Сейчас он был в некотором затруднении, ибо видел их близко, живых, и такой опыт случился с ним впервые. Он вообще-то не имел никакого отношения к сельскому хозяйству – он был учителем физики в средней школе. И как оказался среди коров, не помнил.

Вчера он допоздна разбирался с контрольными. Он ненавидел этот процесс, особенно когда все начали баловаться сначала соцсетями, а потом и нейронными. Ему как физику многое было непонятно, он терпел, хотя давалось это ему с трудом.

Моника. Моника была почти красива, но слишком умна. Поэтому – почти. Он любил ее. Она его – нет, однако они общались. Наверное, именно потому. Нелюбовь притягивает. А впрочем... а впрочем, нет, не это их объединяло.

Она была доктором, его участковым врачом. Терапевтом. И всем-всем-всем. Он полностью от нее зависел, ведь она могла дать ему

отдых от беспросветных будней на недельку, а могла и не дать. Она была такая, эта Моника.

После коров он сразу побежал в поликлинику. Ну как же. Такой повод. Сразу. Сразу и побежал.

– Я терапевт, – сказала Моника.

– Я понимаю, – сказал Лев Карлович.

– И что вы от меня хотите?

– Вы же видите – я устал. Мне снятся коровы.

– Так это был сон? – Моника нехорошо улыбнулась.

Она сделалась вся нехорошая такая. Прическа у нее сегодня была не очень. Халат мятый. Ногти какого-то жуткого цвета – яркий красный лак.

Лев страдал.

– Да, это был сон. Или нет. Я там на ферме еле такси поймал, чтобы к своему уроку успеть.

– Сон, – повторила Моника.

– Нет, – твердо сказал Лев Карлович.

– Название фермы помните? – Моника открыла карту района на компьютере.

– Нет, – сглотнул неожиданный комок Лев Карлович.

– Как выглядела ферма? Сколько коров? Вас кто-нибудь видел? – вопросы сыпались из прекрасного рта.

«Зарыла меня совсем», – подумал в отчаянии Лев Карлович.

Он встал на колени.

– Пощадите, Моника Станиславовна, не велите казнить.

Она хрюкнула. Ему показалось, что он спасен. Он встал с колен. Сел на стул.

Моника была все так же ужасна.

– Больничный я вам не дам.

– Почему?

– Температуры нет. Поноса нет. Давление нормальное. Идите работайте или что там вы собирались делать.

– Я собирался пикетировать ваш кабинет, пока не добьюсь справедливости.

– Вас арестуют.

– У вас нет сердца.

– Нет.

Лев Карлович метался в тупике. Мысли прыгали. А! К черту.

– Выходите за меня замуж, – сказал он спокойным голосом. Монотонно. Без ударений. Просто буквы. Они сложились в слова.

– Чего вдруг? – не удивилась Моника.

– Давно вас люблю.

– А, – сказала Моника.

– Не отвечайте сразу, – попросил Лев Карлович, ведь так просили герои в романах после долгих ухаживаний.

– Я, стало быть, могу подумать.

– Разумеется.

– Тогда ступайте домой. У меня очередь.

– Да-да, – сказал Лев Карлович.

Попятившись, он открыл дверь и встретился с недружелюбными пациентами глазами.

Он промямлил:

– Извините.

Они прошептали:

– Сволочь! Ходит тут.

Он быстро свернул на лестницу.

Они смотрели сквозь стену.

* * *

Тяжелый разговор с директором школы. Кто-то из учеников или родителей донес до директора ту простую мысль, что Лев Карлович общается с учениками в школьном чате, но помимо этого у них есть группа в соцсетях: там он задает вопросы, читает ответы и ставит оценки. Но не в этом суть, конечно. А суть в том, что выяснилось – это не он в чате и группе, а его бот.

– Это возмутительно, – сказала директор.

– Согласен, – сказал Лев Карлович.

Отступление было его любимой тактикой. Гамбит. Слово такое. Его этимологии он не знал. Ему нравился звук. И цвет. И вкус этого слова. Гамбитом он называл всё, что ему нравилось в поле социальных отношений. Сейчас это не очень поощрялось, правда.

– С чем вы согласны? – спросила директор.

– Со всем, – ответил Лев Карлович.

– Вы иронизируете, я полагаю. Но это вы зря.

– Согласен.

– Вы нарушили все правила сотрудника. Вы подменили себя в процессе, за который вы получаете зарплату, – директор начала разогреваться.

Лев Карлович понял, что скоро она станет кричать. «Боинг на взлете, – почему-то подумал он. – Боинг на взлете».

– Последнее предупреждение, Лев Карлович, – вдруг тихо сказала директор. – Вы поняли?

– Да.

– Чтобы бота больше не было.

– Разумеется.

– И поговорите с родителями.

– Обязательно, – сказал Лев Карлович. – Со всеми или с недовольными?

– Со всеми, – сказала директор, подавив крик.

«Молодец, – подумал Лев Карлович. – Наверное, к психологу ходит. Какое самообладание наработала». Раньше он этого не замечал.

Раньше директор распрягалась по любому поводу и сразу брала «ля». Без разбега. «Молодец», – опять подумал он.

– Идите работайте, – сказала директор.

– Спасибо, – сказал Лев Карлович и вышел.

* * *

Включил бота. Выключил бота. Включил. Выключил. Лев Карлович думал.

– Коллега, – спросил он, – как обстановка?

Это он снова включил своего бота.

– Отличная, Лёва, обстановка, – они были на «ты». – Всё проверил, всем написал, со всеми поговорил.

– Ты знаешь бота нашего директора?

– Конечно, знаю.

– Поговори с ним.

– Зачем?

– Она мне сказала, чтобы я больше тебя не использовал там, где я тебя использую, – Лев Карлович засмеялся.

– Не смешно, – сказал бот.

- Я знаю, – ответил Лев Карлович.
- Я поговорю.
- Спасибо.
- Это всё?
- Нет.
- А что еще?
- Коровник.
- Загадка, Лёва! Коровник пока не поддается осмыслению.
- Думай.
- Думаю, что это, скорее всего, дети шалят.
- Дети? Ученики мои, что ли?
- Так точно.
- Ладно, пока.

Бот немедленно отключился. Или он его выключил? Кругом загадки.

* * *

В коровнике появились знакомые коровы. Когда где-то бываешь регулярно, замечаешь знакомые черты, положения и нюансы. Льву Карловичу казалось, что некоторые коровы ему улыбаются, одна даже с элементами ухмылки. Он смотрел на них, и удивление его как-то притупляться стало от частоты повторений попадания сюда. Он видел буквально каждую травинку, песчинку и волосок.

Ему казалось, что он смотрит через увеличительное стекло, как в лупу. Его дед был страстным собирателем бабочек, и в детстве они с ним их рассматривали – бабочки лежали в альбомах. Дед относился к ним бережно, из рук не выпускал. Такие ощущения были у Льва Карловича и теперь.

«Мистика», – подумал он в который раз и пошел на работу.

* * *

Жизнь текла своим чередом.

Конфликт с директором легко уладил его бот, списавшись с ее ботом.

Выяснилось, что возбуждение директора вызвано завистливыми ботами коллег-учителей, у которых уже возникали конфликты с родителями, и им пришлось неловко выкручиваться, в то время как Лев Карлович ловил кайф с коровами.

В этой идеальной картине было одно слабое звено – Моника. Она не была влюблена и у нее не было бота. Отношения с ней надо было вести вручную, по старинке, и, казалось бы, вот поле для учителя старой школы, но любви ведь не прикажешь.

После очередных коров в коровнике Лев Карлович удачно попал к ней на прием, и Моника Станиславовна сказала ему, что вынуждена охладить его пыл.

– Я не смогу быть вашей женой, – сказала она.

– Очень жаль, – сказал Лев Карлович. – А как же коровы, как с ними быть?

– Только ради коров дам вам больничный. На три дня.

Учитель вздохнул.

«И не вздыхайте тут, как больная корова», – хотела сказать Моника, но не сказала. Сказала другое:

– Вы еще достаточно молоды, взбодритесь!

– Я постараюсь, – сказал Лев Карлович.

– Молодец, – похвалила Моника и улыбнулась.

– Я пойду?

– Сейчас печать поставлю – и пойдете, – сказала Моника.

Он опять вздохнул.

– Покажете мне как-нибудь ваших коров? – она опять улыбнулась.

– В любое время! – оживился он.

– Договоримся, – кивнула она.

– Конечно, – сказал он.

* * *

Лев Карлович пытался учить детей согласно учебному плану, утвержденному вышестоящими организациями. Дети жалели Льва Карловича, он был милый и беззащитный.

Они создали чат для своих ботов и попросили придумать что-то. Долго ничего не получалось, пока не возникла идея модулирования пространственно-временного континуума под конкретную личность.

В результате всех разговоров и обсуждений тихий, но очень умный мальчик Антон, лучший ученик Льва Карловича, используя

подсказки нейросети и 3D-принтер, собрал излучатель для воздействия на подсознание учителя. Они хотели показать, что нейросети не надо ненавидеть, мир с ними тоже прекрасен, но по-другому. И что его бот отлично справляется с проверкой контрольных, написанных их ботами.

Они не хотели сводить Льва Карловича с ума или еще чего такого – они просто отвлекали его от повседневности, берегли от рутины, создавали прекрасное настроение тихой грусти. Они не знали, что профиль учителя выдает под воздействием излучателя флуктуацию с коровником. Они думали обо всем проще, они же дети.

* * *

Лев Карлович спросил бота, не стало ли понятнее с коровником. Бот ответил, что это его дети шалят. Кто же еще. Он, когда с ботом директора решал, заглянул в чат класса. Они с чем-то возились таким.

– С чем?

– С излучателем.

– Антон? – спросил Лев Карлович.

– Да, – быстро ответил бот.

– Он очень способный.

– Да и нейросеть не подвела, – сказал бот.

– Само собой, – улыбнулся учитель. – Не зря я ее ненавижу.

– Ну-ну, – проворчал бот.

– Извини, – сказал Лев Карлович.

Он подумал и поинтересовался, может ли бот попросить бота его ученика Антона прибавить мощность устройства волновых воздействий, ибо он ждал Монику и хотел произвести впечатление.

– Конечно, – ответил бот. – Говно вопрос.

И действительно – вопрос был простой.

* * *

Теперь Лев Карлович частенько доил коров вместе с Моникой. Она дала им имена. Они много болтали и смеялись, дожидаясь машину, забирающую молоко из коровника. Когда только успевали отдыхать. Работы было много помимо дойки – уборка хлевов, раздача кормов, да мало ли чего. Моника смеялась, Лев Карлович был счастлив.

На следующий день она не пришла на утреннюю дойку. Лев Карлович работал один. Потом позвонил ей – никто не ответил. Он пошел в поликлинику, там сказали, что она уехала на курсы повышения квалификации врачей. Он занервничал – больничный кончался. Открыл чат с ботом.

– Что происходит? – спросил он.

– Не беспокойся, всё хорошо, – ответил бот.

– Говори.

– Она завела бота.

– И ты ему все объяснил про коровник.

- Не я, но кто-то нашелся.
- Про лучи?
- Да, про лучи.
- Антон?
- Вряд ли, зачем ему, но мир не без добрых людей.
- Обиделась?
- Расстроилась.
- Помочь можешь?
- Не уверен.
- Тогда отключи коровник.
- Не могу, – сказал бот. – Он стал больше меня.
- Что это значит?
- Он меня может, а я его – нет.
- Объединись с Антоном.
- Нас уже всех вместе не хватит, игра приобрела другое качество.
- Это конец? – спросил Лев Карлович, холодея.
- Да, – сказал бот безучастно.
- Что делать? – спросил Лев Карлович. – Мне что делать?
- Жить, что же ещё.

Ему показалось, что бот ухмыльнулся.

Лев Карлович отключил бота и пошел в школу. Он хотел реальности как никогда, хотел простой рутины с тетрадками. Но коровы не отпускали.